

Отзыв

официального оппонента на диссертацию Светланы Алексеевны Семячко
**«Письменная традиция древнерусского старчества: текстологическое,
источниковедческое и историко-литературное исследование»**, представленную на
соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 10.01.01 – русская литература

Проблема, которой посвящена диссертационная работа С.А. Семячко, - это проблема формирования письменной традиции такого историко-культурного явления, как русское старчество, бывшего одной из важных составляющих русской литературы не только древнего, но и классического периода ее развития. С этой проблемой связана и проблема источника, и проблема истории текста на протяжении нескольких столетий, и вопрос о традиционности русской литературы Нового времени. Старчество как духовно-нравственное явление русской жизни сохранило в себе элемент учительности, душеполезности в буквальном смысле слова, то есть, того качества, которое определяло древнерусскую литературу в целом. Поэтому тема старчества как духовного наставничества была столь важна для Гоголя, для Толстого и Аксакова, для Достоевского и Лескова. В этом я вижу важное историко-литературное значение обсуждаемой диссертации.

Как же письменно оформлялась и оформлялась ли эта практика духовного наставничества и водительства в русской средневековой книжности, когда начался этот процесс, что за тексты входили в постепенно складывающийся рукописный сборник, получивший у древнерусских книжников название «Старчество» (а именно он в центре исследовательского внимания С.А. Семячко), с какими другими сборниками он был связан в рукописной традиции Древней Руси, в каких монастырских библиотеках он функционировал и т.д., - все эти вопросы поставлены и успешно разрешаются в диссертационном сочинении С.А. Семячко.

Актуальность предпринятого ею труда объясняется не только «неизвестностью и неисследованностью текстового материала и необходимостью введения этого материала в научный оборот», как пишет сама С.А. в автореферате (скорее в этом состоит **новизна** ее диссертации), а в том, что изучение письменной традиции духовного наставничества как явления средневековой книжности и литературы входит в *общую задачу* изучения подобных христианских средневековых текстов не только на Руси, но и на территории Западной Европы. Это общая научная проблема – конечно, со

своими историческими и культурными особенностями. И древнерусские сборники «Старчество» можно рассматривать в этом общеевропейском контексте.

Так, например, известен трактат для новициев (новомонашествующих) Гуго Сен-Викторского (XII в.) – руководителя школы в парижском монастыре Сен-Виктор, относящемся к ордену канонико-августинцев; в средневековой Германии в XIII-XIV вв. появляется особый тип сборников – книги духовного назидания (Erbauungsbucher). Считается, что особая традиция духовно-мистического назидания возникла к середине XIV в. на Верхнем Рейне, где формировались общины полумирян. Можно вспомнить и основной труд Давида Аугсбургского «Об упорядочении внешнего и внутреннего человека» середины XIII в. и особенно его небольшие сочинения на латинском языке «О должности наставника новициев», «Как новицию надлежит готовиться к молитве часов» или «Разъяснение Правила меньших братьев». Трактаты немецких средневековых богословов для новомонашествующих носят более религиозно-мистический характер, чем исследуемые С.А. Семячко сочинения, формировавшие и частично вошедшие в состав древнерусского сборника «Старчество», хотя и в них отведено место распорядку дня, еды, сна, стояния на службах и пр. Вот в этом-то мистицизме при всем, казалось бы, практическом сходстве названных средневековых текстов, и заключается отличие древнемецких наставнических трактатов от тех сочинений для новопришедших иноков, что вошли в книжную практику старчества на Руси. И это отчасти объясняет ее уникальность. В ней обращалось внимание не только на нравственную сторону христианской жизни и ее богословское осмысление, но уделялось место чисто практическим, поведенческим моделям. И это очень хорошо продемонстрировано С.А. Семячко на конкретном древнерусском рукописном материале. Ею привлечено к анализу 83 списка сборника «Старчество», 66 списков «Цветника священноинока Дорофея» 46 списков сборника «Крины сельные» (цветы луговые) и др. Всего исследовано более 600 древнерусских рукописей XV-начала XX в. Исследовательница полностью опровергает мнение писавших о письменной традиции русского старчества как о поздней, появившейся только с именем Паисия Величковского и получившем особое развитие уже в XIX в. в Оптиной пустыни. Общим местом считается признание наставнического монашеского опыта уже в раннехристианском Египте и Палестине. Несомненно, что это так, С.С. Хоружий даже писал об «институте старчества», однако, как показывают работы известного коптолога А.Л. Хосроева о Пахомии Великом и раннехристианских общинах, конкретных фактов, зафиксировавших там письменную практику, у нас нет. Что же до средневековой Руси, то, как отметила С.А. Семячко, самые ранние списки сочинений, имеющие отношение к

духовному опыту старчества, связаны с книжным собранием Кирилло-Белозерского монастыря и датированы серединой XV века, то есть, гораздо ранее сочинений Паисия Величковского.

В трех обширных главах своей двухтомной фундаментальной диссертационной работы (а она, кроме основной части, содержит *Введение*, *Заключение* в Первом томе, *Список использованной литературы*, состоящий из 383 наименований на русском, английском, немецком, французском языках, *Список сокращений*, *Шифры рукописей*, список альбомов филигранных и пр. во Втором томе, названном *Приложения*), С.А. Семячко проведен скрупулезнейший анализ огромного массива рукописей, содержащих «старческие» тексты. Первый исследовательский том содержит 596 страниц, второй – 395 страниц. Он представляет собой подготовленные к изданию по всем правилам публикации древнерусских памятников тексты «Предания старческого новонаначальному иноку» во всех его разновидностях, причем отдельно издается список инока Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина как один из самых важных для истории текста этого сочинения; тексты «Предания старческого» и Сводного патерика, тексты Следованных псалтырей, Стихи, предположительно принадлежащие Диомиду Яковлевичу Серкову, текст о Дорофее Васильевиче Петровском. Работа С.А. Семячко как текстолога филигранна, от ее внимательного исследовательского взгляда не ускользает ни одно разночтение, ни одна погрешность писца, ни один изъян рукописи или почерка писавшего. Ее диссертационное исследование с точки зрения текстологического и источникововедческого изучения средневековых текстов можно считать образцовым. Обилие нового вводимого в научный оборот материала, новых наблюдений диссертантки, убедительность большинства ее заключений заставляет читателя погрузиться вслед за автором в работу древнерусских переписчиков и редакторов, позволяя рассмотреть проблему «автор-читатель» и «автор-текст» на очень большом и разнообразном материале. Его охват и осмысление автором дает возможность говорить о появлении некоего *комплексного жанрового объединения сочинений*, связанных единой задачей и идеей, задачей ввести новичка в мир монашеского подвига, освященного высшей идеей духовного пути. И это является важным, на мой взгляд, **теоретическим обоснованием** значимости оппонируемой работы.

В начальной части первой главы С.А. Семячко поднимает вопрос о термине «сборник», принципиальном для медиевистов. «Нельзя подходить к сборнику, - пишет С.А., - как к механическому соединению текстов, которое не влечет за собой никаких изменений в понимании самих этих текстов» (с.15). Она предлагает свою классификацию сборников, разделяя их на четыре группы, отдельно от календарных.

Характеризуя каждую из групп, С.А. определяет рукописный материал «старческого» содержания как «русские некалендарные сборники устойчивого состава и относительно устойчивого состава, связанные со старческой практикой». Такое определение представляется весьма удачным. Основное содержание глав диссертации составляет анализ трех памятников: 1. «Предание старческое новонаначальному иноку», 2. Нравственно-дисциплинарный сборник «Старчество», центральный объект исследования, и 3. «Цветник священноинока Дорофея» и «Крины сельные» в контексте старческой традиции XVII века.

Остановлюсь лишь на нескольких наблюдениях С.А., демонстрирующих ее внимание к, казалось бы, не самым существенным деталям. Устанавливая, что некое «Толкование о соборной апостольской церкви» является источником «Предания старческого», С.А. анализирует выражение «церковь есть небо земное», отмечая его как цитату, ставшую общим местом, и показывает, что нельзя на одном этом примере строить далеко идущие выводы. Так, она полемизирует с Г.М. Прохоровым об авторстве Кирилла Белозерского, хотя и показывает, что работа над текстом «Предания старческого» велась именно в этом монастыре, и решающую роль здесь играл состав сборника. Убедительны доказательства относительно места создания Ефросиновского списка «Предания старческого новонаначальному иноку», самого раннего из известных, в Кирилло-Белозерском монастыре на основе пословного анализа, в отличие от точки зрения А.Г. Боброва, относившего создание сборника к Троице-Сергиеву монастырю. Весьма интересны соображения о старческой деятельности Симона Азарьина в Троице-Сергиевом монастыре, о движении текста «Старчества» в разные годы его бытования, в результате чего автор диссертации приходит к выводу, что в монастыре «происходит не столько формирование, сколько разрушение сборника «Старчество» и не получают развития традиции «Предания старческого». Большой научный интерес вызывают и страницы диссертации о связи «старческой» темы со Следованными Псалтырями, с патериковой традицией, с темой монастыря как цветущего сада (еще один аспект монастырской книжности) - отсюда понятно внимание автора к «Цветнику священноинока Дорофея» и сборнику «Крины сельные» в контексте старческой традиции XVII в., а особенно интересны и убедительны страницы, посвященные связи с ними сборника «Старчество» Матфея Никифорова. Много новых наблюдений сделано автором и относительно судьбы сборника «Старчество» в старообрядческой среде. С.А. Семячко выявлены основные книжные монастырские центры, где традиция старчества получила наибольшее письменное распространение как в одноименном сборнике, так и в сочинениях, с ним по-разному связанных, - это Кирилло-Белозерский, Соловецкий,

Иосифо-Волоколамский, Троице-Сергиев монастыри, причем меньшее распространение списков в последнем из них так же убедительно объясняется. Выявлены и тексты с «неопределенной монастырской принадлежностью». Таким образом история развития монастырской книжности и ее репертуара на Руси приобретает новые важные черты. Как показала С.А. Семячко, каждый из монастырей имел свою рукописную традицию старчества, которая давала возможность не «закостеневать» и, может быть, именно поэтому оказалась актуальной для духовной жизни русского общества в Новое время. Об этом диссертантка пишет в последней части своей работы, добавляя новый материал к истории старчества как явления в Оптиной пустыни, и показывая всем ходом исследования, что «оторванность «нового» старчества от древнерусской старческой традиции – не более чем миф».

Ограниченная заданным объемом отзыва, я не могу останавливаться на всех заинтересовавших меня сюжетах диссертации. Но по долгу официального оппонента выскажу некоторые возникшие замечания.

И в тексте диссертации, и в автореферате С.А. пишет, что цель ее работы «состоит в комплексном описании всего письменного наследия, сопровождавшего древнерусскую старческую практику, в его эволюции. На этом описании, - говорится далее, - базируется осмысление древнерусского старчества как явления начиная с середины XV века» и т.д. Мне представляется, что *целью* докторской диссертации на самом деле должно быть не описание, а именно осмысление письменного наследия, а вот *главной задачей* для этого осмысления является как раз комплексное описание материала. Эти фразы надо бы поменять местами, поскольку такова реальная логика проделанной работы. Не могу согласиться и с той важной, но все же скромной ролью, которую С.А. Семячко отводит своей работе – стать «своего рода справочником текстов, используемых в старческой практике и сформировать текстологическую базу для их издания». Диссертация действительно представляет собой такой в высшей степени основательный справочник, но она намного шире и глубже по своему историко-литературному и историко-культурному значению. Хотелось бы только, чтобы это значение было более четко отмечено в диссертации, чтобы движение рукописной традиции, выявление источников и новых текстов рассматривалось в историко-литературном контексте эпох. Обилие изучаемого материала вызвало и слишком дробную рубрикацию в Оглавлении, которое занимает 5 страниц. Содержание некоторых рубрик уместается на 1-2 страницах и, на мой взгляд, их вполне можно было бы сократить, оставив основное деление внутри глав по редакциям, иначе теряется целостное представление о работе. Если говорить о формальной стороне, то я не нашла

в автореферате таких разделов как «новизна» и «теоретическая значимость», в отличие от раздела о «научно-практической значимости» работы. Оба этих качества неоспоримо присутствуют в диссертации, ведь подобная работа с такой обширной рукописной традицией старчества проделана С.А. Семячко в науке впервые, много нового материала введено в научный оборот, что стоило бы специально отметить. Там же, характеризуя Заключение, С.А. Семячко поясняет, что в диссертации «речь шла не о явлении старчества, а о текстах, это явление сопровождавших». Эту фразу следовало бы поставить в самое начало и диссертации, и автореферата и, может быть, стоило сопроводить определениями понятия «старчество» и «старческая традиция», чтобы избежать ненужных вопросов.

Высказанные замечания никак не могут повлиять на самую высокую оценку оппонируемой диссертации. Автореферат и список публикаций С.А. Семячко по теме диссертации с учетом всех необходимых требований для защиты соответствует основным положениям и выводам ее работы. Представлено серьезное самостоятельное новаторское комплексное исследование на стыке гуманитарного знания: текстологии, источниковедения, истории древнерусской книжности. Оно полностью соответствует требованиям, предъявляемым ВАК РФ к диссертациям на соискание ученой степени доктора филологических наук (п.9-10 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842), и даже превосходит их, а его автор, С.А. Семячко, справедливо заслуживает искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01- русская литература.

М.В. Рождественская
 доктор филологических наук
 профессор кафедры истории русской
 литературы Филологического факультета
 ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
 Университет»

Личную подпись заверяю
 Документ подготовлен в порядке исполнения
 трудовых обязанностей

Начальник отдела кадров
 Орежко Е. В.
 29.02.2016

